

Чай Цзыжань хихикнул: «И впрямь настоящий мужык! Хоть и зрение у него никудышное». Он покосился на стражников и подгоняюще сказал: «Чего ждёте? Кончайте скорее, а после — марш в «Терем Хуахуа» ужинать за счёт заведения!»

Несколько дюжих стражников выступили вперёд. Двое прижали Цзинь Синя, двое других с палками наготове ждали приказа Мо Цзюцзюня. Чжан Хуахуа, не в силах вынести зрелища, опустилась на колени рядом с Цзинь Синем, и слёзы закапали из глаз: «Господин Цзинь Синь, умоляю, попроси начальника уезда о снисхождении! Старые раны твои ещё не зажили, новые побои не вынести!»

Цзинь Синь гневно взглянул на неё: «Чжан Хуахуа, проваливай!»

Чжан Хуахуа, полными слёз глазами, хотела что-то сказать, но бабушка Чжан, собрав последние силы, оттащила её в сторону и с гневом выкрикнула: «На кой тебе этот бессердечный негодяй? Пусть сдохнет!»

Мо Цзюцзюнь скомандовал: «Бить».

Два стражника действовали быстро и чётко, обрушив палки на ягодицы Цзинь Синя со всей силой. В этот миг Чжу Чжу рванулась, оттолкнула мясника Чжу и бросилась на спину Цзинь Синя. Раскалённая палка с силой опустилась на неё, от боли у неё брызнули слёзы. Она жалобно посмотрела на Мо Цзюцзюня, готовая разрыдаться: «Ваша милость! Умоляю, пощадите господина Цзинь Синя! Во всём виновата я одна, бейте меня!»

Чай Цзыжань, глядя на эту парочку, проходящую через испытания и проявляющую истинные чувства, почувствовал себя словно той самой палкой в руках стражников. Он взглянул на Мо Цзюцзюня, гадая, дрогнуло ли его сердце. Лицо Мо Цзюцзюня оставалось ледяным и бесстрастным. Он холодно произнёс: «Убрать посторонних. Продолжать».

Чай Цзыжань, глядя на это бесчувственное каменное лицо, в глубине души пожалел, что талант Мо Цзюцзюня растрачивается на столь незначительной должности.

Чжан Хуахуа, рыдая, вырвалась из рук бабушки и тоже ринулась было прикрыть Цзинь Синя собой. Чай Цзыжань преградил ей путь. Смеяться над плачущей, больной девушкой было бы слишком жестоко, потому он с невозмутимым видом сказал: «Девушка Хуахуа, не думаешь ли ты, что твой поступок лишь вызовет новые оскорбления?» Видя, что та замешкалась, он продолжил: «Ты никогда не разбудишь того, кто притворяется спящим. Мать Цзинь Синя погубила популярная певица из столицы. Он с юных лет ненавидит женщин твоего ремесла».

Лицо Чжан Хуахуа побелело, и она окончательно отказалась от мысли броситься на защиту. Он так её ненавидит, что любое её действие вызовет лишь новую волну отвращения.

Чай Цзыжань, видя, что Чжан Хуахуа не глупа, присел рядом с ней. Он с интересом наблюдал, как Цзинь Синь, стиснув зубы, молча сносит удары, а потом полюбовался на Чжу Чжу, которая, подобная нежному лотосу, кричала и металась в беспорядке. Двадцать ударов — не так уж много, но и не мало. Однако для Цзинь Синя, с детства избиваемого генералом Хунмэнем, это было сущей безделицей. После экзекуции он ещё мог швырнуть несколько свирепых взглядов и Чай Цзыжаню, и Чжан Хуахуа, что ясно доказывало: этот парень мог бы выдержать и ещё двадцать.

Дело было завершено. Просторный зал суда опустел, ушли посторонние, остались лишь смертельно бледная Чжан Хуахуа, бабушка Чжан, Матушка Хуа и служащие управы.

Бабушка Чжан, всхлипывая, бросилась в объятия внучки. Старуха за семьдесят плакала, как дитя: «Прости... прости меня, Хуахуа! Это я тебя подвела...»

Чжан Хуахуа не успела вымолвить ни слова, как Матушка Хуа сунула ей в рукав пятисотлянёвую ассигнацию и яростно уставилась на бабушку Чжан: «Зачем ты свидетельствовала в пользу этой подлой девчонки?»

Бабушка Чжан, всхлипывая, ответила: «Да что мне было делать? У меня только Хуахуа и осталась! Она заболела, а деньги на лекаря дала одна лишь Чжу Чжу... у-у-у...»

Чжан Хуахуа смахнула с лица слёзы и подняла взгляд на Мо Цзюцзюня и Чай Цзыжана: «Ваша милость, господин Цзыжань... Я не лгала. Правда». Голос её звучал ровно, словно она и не надеялась, что женщине её ремесла кто-то поверит. Но взгляд был чист и ясен, выдавая глубинное желание быть услышанной.

Чай Цзыжань присел на корточки, взял её ледяную, пробирающую до костей холодом руку и тихо сказал: «Я верю тебе».

Эти три слова заставили Чжан Хуахуа разрыдаться. Она всхлипнула: «Так почему же господин Цзинь Синь не верит мне?»

Чай Цзыжань нежно погладил её волосы — сухие, неухоженные, — делая вид, что не замечает этого. «Цзинь Синь — оболтус, у него глаз нет...» Чай Цзыжань собирался продолжать ругать Цзинь Синя, чтобы как следует утешить девушку, но его руку вдруг схватили. Мощная кисть железной хваткой замерла в воздухе, не позволяя ему прикоснуться к Чжан Хуахуа.

Чай Цзыжань обернулся и уставился на Мо Цзюцзюня: «Ты чего это?»

Мо Цзюцзюнь ответил: «Мужчине и женщине не подобает прикасаться друг к другу».

Чай Цзыжань задумался — резонно. Он снова повернулся к Чжан Хуахуа: «Придёт день, и Цзинь Синь горько пожалеет о содеянном сегодня».

Мо Цзюцзюнь изрёк: «День сей, полагаю, не за горами».

Чжан Хуахуа жаждала не того, чтобы Цзинь Синь раскаялся или был наказан. Подумав, она поняла: быть может, она просто надеялась, что он узнает, кто его спас, и проявит к ней хоть каплю благосклонности. Она опустила взгляд на свои белые руки. Хотя тяжёлой работы они никогда не знали, каждый день уставала она больше, чем любая работница. Она была самой презренной женщиной на свете. Крупные слёзы скатились по её щекам. «Я ему не ровня». А потому и не стоит мечтать о крупнице его милости.

Даже если однажды он и узнает правду.

Чжан Хуахуа удалилась с безутешным видом. Каждый шаг давался ей с болью, словно шла она по острым колючкам. Сердце сжимала тоска, кровь будто отлила от тела. Она уже не походила на девушку в расцвете лет, а скорее на дряхлую старуху, от которой веяло могильным холодом.

Чай Цзыжань вздохнул: «Вот уж воистину: страдает любящая, мучает неверный».

Мо Цзюцзюнь поправил: «Цзинь Синь попросту не распознал свою спасительницу, да и был обманут. Называть его неверным — несправедливо».

Услышав это, Чай Цзыжань оживился: «Я-то знаю, что Чжу Чжу — девушка высокомерная и холодная, и речи её кажутся мне притворными. Но как ты догадался, что она лжёт?»

«Ответ — в свидетелях, — Мо Цзюцзюнь заложил руки за спину. — Их показания были явно отрететированы». К тому же, все свидетели так и норовили подчеркнуть доброту Чжу Чжу. Но главное различие между истинной и ложной добродетелью в том, что первая — постоянна, а вторая — мимолётна. Самый убедительный свидетель доброты Чжу Чжу — бабушка Чжан — одновременно был и самым убедительным доказательством её лжи.

Разве могла родная бабушка, жившая одной жизнью с внучкой, ради призрачной справедливости пойти против собственной крови?

Чай Цзыжань похлопал Мо Цзюцзюня по плечу: «Девушка Хуахуа так несчастна. Надо восстановить справедливость».

Мо Цзюцзюнь искоса взглянул на него: «Ты так о ней печёшься?»

«Ещё бы! — Чай Цзыжань широко ухмыльнулся. — Но больше всего мне не терпится увидеть рожу Цзинь Синя, когда он узнает, кто на самом деле его спас! А-ха-ха-ха-ха!»

Мо Цзюцзюнь покачал головой: «Дело закрыто. У тебя есть дела поважнее». В глазах его вспыхнул свет всеобъемлющего человеколюбия. Не знай Чай Цзыжань его столько лет, он бы, пожалуй, поверил. Мо Цзюцзюнь оскалился в улыбке: «Бандитов изводить».

«Хе-хе-хе, — Чай Цзыжань фальшиво рассмеялся. — Я-то? Я же писец, штатный советник». Какое ему дело до этой кровавой возни с бандитами?

Мо Цзюцзюнь, заложив руки за спину и приняв вид грозного горного тигра, улыбнулся: «А я — начальник уезда. Что скажу, то и делать будешь».

Чай Цзыжань, хорошо знавший Мо Цзюцзюня, мысленно послал его ко всем чертям. Скорее всего, этот тип просто устал от мелких дрязг в уезде Суюй и под предлогом борьбы с бандитами жаждал новых, острых ощущений.

К полудню весеннее солнце поднялось в зенит, пригревая землю. Хотя Чай Цзыжань всё ещё лелеял мечту о бесплатном ужине в «Тереме Хуахуа», закончив все дела, он так и не поел. С пустым урчащим желудком он побрёл обратно в свой маленький двор. С недоумением взглянув на шагавшего рядом Суй Фэна, он спросил: «Тебе не надлежит охранять твоего господина Цзюцзюня?»

Суй Фэн по-прежнему улыбался безобидной улыбкой: «Господин Цзюцзюнь искусен в боевых искусствах, в охране не нуждается». Он помолчал и спросил: «Господин Цзыжань, вы беспокоитесь о господине Цзюцзюне?»

«Хе-хе-хе, — фыркнул Чай Цзыжань. — Нисколько».

«... — Суй Фэн неловко промолчал, затем осторожно осведомился:

— Господин Цзыжань, а как вы господина Цзюцзюня находите?»